

Клод Леви-Строс: в поисках структуры

А.В. Дьяков

*Курский государственный университет, кафедра философии
305000 г. Курск, ул. Радищева, 33*

О Леви-Стросе у нас сказано много, и в то же время – слишком мало. Да и говорить-то обычно приходится не о нём, а о структурализме в целом, поскольку его имя устойчиво ассоциировано с названием этого мощного течения в гуманитарных науках. В настоящей статье мы не пытаемся разрешить многочисленные проблемы (скорее уж, апории), связанные со структурализмом и с его основателем, а предлагаем что-то вроде общего очерка поиском Структуры, которым было посвящено творчество покинувшего нас замечательного мыслителя.

Структуралистско-постструктуралистский корпус идей формировался во многом в рамках французской «новой критики» (*nouvelle critique*), во всяком случае, на ранних этапах¹. Принято выделять три направления «новой критики» во Франции: 1) структурно-семиотическое (Р. Барт, А.Ж. Греймас, Кл. Бремон, Ж. Женетт, Ц. Тодоров, Ю. Кристева, Ф. Соллерс, Ж.К. Коке), 2) тематически-интуитивистское (Ж. Пуле, М. Бланшо, Ж.П. Ришар, Ж. Старобинский, Ж. Руссе) и 3) социологическое (Л. Гольдман, Р. Эскарпи). Кроме того, к «новой критике» можно причислить Ж. Деррида, П. Рикёра и М. Риффаттерра. Наконец, к этому движению имеют непосредственное отношение Ж.-П. Сартр, Ш. Морона, Д. Фернандез, М. Робер и М. Сориано². Собственно структуралистское движение в гуманитарных науках, конечно же, не тождественно «новой критике», и путь его развития сложнее. Американский критик Ф. де Жорж обозначает следующие основные пункты возникновения и эволюции структурализма: женевская школа 1900-х гг. (Ф. де Соссюр); русский формализм 1920-х гг.³; Пражский лингвистический кружок 1930-х гг.; Нью-Йоркский лингвистический кружок 1940-х гг.; работы К. Леви-Строса 1950-х гг.⁴

Всё новые и новые варианты литературной критики сменяли друг друга, и это привело к некоторой дезориентации в литературоведческих кругах. П. де Ман очень живо описывает этот процесс: «В какой-то момент, после диссертации Люсьена Гольдмана по социологии янсенизма XVII века, показалось, что вперёд вырвалась

© А.В. Дьяков, 2010.

¹ «Структуралистская критика, – писала Н. Ржевская, – одно из направлений «новой критики», складывающейся во Франции ещё в 50-е годы; «новая критика» противопоставляет себя «университетскому» позитивизму, объясняющему литературное произведение лишь внешними факторами (историческая и общественная ситуация, литературная борьба и биография автора), и провозглашает себя не объясняющей, а понимающей, интересующейся только произведением как имманентной ценностью». (Ржевская Н. Неоформалистические тенденции в современной французской критике (Группа «Телль кель») // Неоавангардистские течения в зарубежной литературе 1950-60 гг. М., 1972. С. 194).

² См.: Ильин И.П. «Новая критика»: история эволюции и современное состояние // Зарубежное литературоведение 70-х годов: (Направления, тенденции, проблемы). М., 1984. С. 140.

³ Оге А., Ханзен-Лёве О.А. Русский формализм: (Методологическая реконструкция развития на основе принципа остранения). Пер. с нем. С. А. Ромашко. М., 2001.

⁴ George F.M., de. From Russian formalism to French structuralism // Comparative literary studies. Urbana, 1977. Vol. 19. № 1. P. 20–29.

социология, и имя Лукача в парижских интеллектуальных кругах стало произноситься с тем же благоговением, какое за несколько лет до того окружало фигуры Кьеркегора или Гегеля. Но вскоре появились «Печальные тропики» Леви-Строса, и антропология решительно вытеснила социологию как главный интерес литературного критика. Едва успели овладеть трудной терминологией родовой интересу субъективности, как на горизонте уже появилась лингвистика с ещё более устрашающим техническим жаргоном. А благодаря косвенному влиянию Жака Лакана вновь вернулся психоанализ, который многим критикам показался вполне созвучным их собственным устремлениям¹. По большому же счёту, речь шла о попытке сформировать общую методологию наук о человеке. Структурализм, большую роль в практике которого играла литературная критика, как раз и стал такой попыткой.

Если философы-экзистенциалисты вскоре охладели к структурализму, чувствуя в нём конкурента и потенциального противника, то марксисты в 1960-х воспринимали это новое на тот момент течение с энтузиазмом. «Поразительна связь между подъёмом структурализма и спадом экзистенциализма, – отмечал французский коммунист Г. Бесс. – Мы полагаем, что обращение к «структуре» может стать плодотворным, если поможет этим интеллигентам сделать шаг вперёд к усвоению объективной концепции действительности. В свою очередь, марксистам следует оценить все возможности использования понятия «структура»². В апреле 1968 г. журнал «La Nouvelle critique» даже организовал в Клуни коллоквиум по проблемам взаимоотношения лингвистики и литературы, в котором активно участвовали «телькелисты»³. Впоследствии большинство структуралистов (и особенно «телькелисты») сменили свои позиции и пришли к отрицанию литературы и критике русского формализма. Параллельно с такими теоретическими переменами произошла и политическая переориентация, выразившаяся прежде всего в разочаровании в маоизме и коммунистическом движении вообще.

Понятие «структура» укоренилась во многих (не только гуманитарных) науках, причём каждый автор использует его по собственному усмотрению. В связи с этим деятели западной науки неоднократно пытались выяснить, что же всё-таки следует называть «структурой». В январе 1959 г. в Париже по инициативе ЮНЕСКО был проведён коллоквиум, посвящённый уточнению термина «структура»⁴. В 1967 г. на страницах журнала «La Pensée»⁵ Л. Сэв, Ж. Сюре-Каналь, Н. Мулуд, Ж. Дюбуа и др. анализировали структурализм и его функционирование в различных областях знания. Понятие структуры в его связи с математикой, историей и другими науками, а также его место в ряду таких философских традиций, как феноменология и экзистенциализм, бурно обсуждалось и в других периодических изданиях⁶. В результате этих дебатов были выявлены два основных значения термина: 1) употребляемое примени-

¹ Ман П., де. Критика и кризис / Слепота и прозрение. Пер. Е.В. Малышкина. СПб., 2002. С. 14.

² Бесс Г. Роль марксистско-ленинской философии в идеологической борьбе // Коммунист, 1968. № 8. С. 22. См. также: Сев Л. О структурализме // Проблемы мира и социализма, 1971. № 5–6; Sébag L. Marxisme et structuralisme. P., 1964; «Pensée», 1967. Oct. № 135.

³ См.: «Linguistique et littérature». Colloque de Cluny // La Nouvelle critique, 1968. Nov., numéro spécial.

⁴ См.: Sens et usages du terme structure dans les sciences humaines et sociales. Hague, 1962.

⁵ La Pensée. 1967. № 135.

⁶ См.: Les temps modernes. 1966. № 246; Esprit. 1967. № 5; L'Arc. 1965. № 26; Démocratie nouvelle. 1967. № 4.

тельно к реальному объекту и 2) определяющее структуру как информационную конструкцию. Различие в подходах легко увидеть на примерах биологии и математики.

Понятие структуры в биологии вполне конкретно и однозначно отсылает к необходимости трансцендентального объекта, познаваемого эмпирически. Математические структуры конкретной эмпирической реальностью не наделяются. Таковы, например структуры упорядоченного множества и топологические структуры в математике Н. Бурбаки. Ж. Пиаже¹ выступил против деления структур на «реальные» и «формальные», утверждая, что существует инвариантность интеллигибельной структуры как таковой (общей для всех наук) и различные варианты частных структур, специфичных для отдельных наук. При этом, считает Пиаже, для любых структур характерны целостность, способность к трансформации и саморегуляция.

Поскольку структурализм оперирует не «самими предметами», а их знаками (предположительно, репрезентирующими эти предметы, однако против такого представления структуралисты и постструктуралисты вскоре повели ожесточённую борьбу), в центре внимания структуралистов оказались семиология и теория коммуникации. Скажем сперва несколько слов об этой последней.

С точки зрения коммуникативной теории, знаки представляют собой средство коммуникации. С инженерной точки зрения, на входе в коммуникационные сети определяется способ перехода от источника информации к сообщению, а на выходе происходит переход от приёма сигналов к их интерпретации. Таким образом, постулаты теории коммуникации должны выглядеть следующим образом:

1. Код предшествует сообщению. Иными словами, код предшествует пользователю и определяет все ситуации, в которых он может быть использован.
2. Код не зависит от сообщения. Это означает, что сообщение не может содержать ничего, не предвидимого в коде, а принимающий способен сравнивать то, что было сказано, с тем, что могло бы быть сказано.
3. Код не зависит от передающего. Следовательно, совокупность возможных сообщений конечна при любом богатстве кода.

В русле теории коммуникации лежит доктрина структурализма: так, по Леви-Стросу, структурированы культурные институты; так структурировано бессознательное у Лакана. При этом структурализм не учитывает того обстоятельства, что «в реальном акте литературной коммуникации код отправителя, код самого текста и код получателя заведомо не совпадают между собой»², полагая, что эти различия принадлежат к внеструктурной вариативности и потому несущественны. С точки зрения структуралистской семиологии, язык человека аналогичен коммуникационной системе. Поэтому каноническими утверждениями структурализма, по В. Декомбу, являются следующие:

1. Означающее предшествует означаемому. Язык не есть медиум, т.е. средство выражения, поскольку код предшествует сообщению. Сообщение не выражает опыта, но отражает возможности и границы кода.
2. Смысл возникает из бессмыслицы. Поэтому говорящий может создать смысл, только продуцируя бессмысленное («поэтическое») сообщение, непредвиден-

¹ Peaget J. Le structuralisme. P., 1968.

² Косиков Г.К. «Структура» и/или «текст» (стратегии современной семиотики) // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. М., 2000. С. 23.

ное в коде. Таковы «колеблющееся означающее» Леви-Строса и «означающая метафора» Лакана.

3. Субъект подчинён закону означающего. Вместо говорящего субъекта всегда говорит язык, а смысл появляется только вместе с означаемым¹.

Прежде, чем говорить о «лингвистическом» структурализме, нам следует сказать несколько слов о теории швейцарского лингвиста Ф. де Соссюра, на которой основываются концепции структурализма. Языковая теория Соссюра, некогда оставленная без внимания философами и долгое время считавшаяся значимой лишь в узкофилологических исследованиях, к середине XX в. была заново прочитана структуралистами (первым из этих вдумчивых читателей был К. Леви-Строс) и приобрела огромное значение для философии.

По Ф. де Соссюру, языковой знак связывает понятие и акустический образ (а не вещь и её название). Акустический образ является «не материальным звучанием, вещью чисто физической, а психическим впечатком звучания, представлением, получаемым нами о нём посредством наших органов чувств»². Таким образом, языковой знак представляет собой двустороннюю психическую сущность, в которой оба элемента тесно связаны между собой и предполагают друг друга. Соссюр предлагает заменить термины «понятие» и «акустический образ» соответственно терминами «означаемое» и «означающее»: «последние два термина имеют то преимущество, что отмечают противопоставление, существующее как между ними самими, так и между целым и частями этого целого»³.

Языковой знак обладает двумя существенными свойствами: 1) связь, соединяющая означающее с означаемым, произвольна⁴; 2) означающее имеет линейный характер⁵. Означающее является свободно выбранным по отношению к тому, что оно выражает. По отношению же к языковому коллективу, который им пользуется, оно, напротив не свободно, а навязано. Произвольность знака защищает язык от всякой попытки сознательно изменить его. (Ж. Деррида склонен онтологизировать учение Соссюра. «Где бы ни скрывалось непосредственное и полное присутствие означаемого, – говорит он, – означающее всегда будет иметь указательную природу»⁶.) Заметим здесь, что утверждение Соссюра о произвольности связи означающего с означаемым имеет характер аксиомы и никак не доказывается⁷.

¹ См.: Декомб В. Современная французская философия. Пер. М.М. Фёдоровой. М., 2000. С. 91–96.

² Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. Ред. Ш. Балли и А. Сеше. Пер. А. Сухотина. Под ред. М.Э. Рут. Екатеринбург, 1999. С. 69.

³ Там же. С. 70. Многие исследователи отмечают этот исходный пункт в учении Соссюра как наиболее плодотворный. Так, Н.С. Автономова пишет: «Соссюр уделяет главное внимание не субъекту – интерпретатору, и не объектам, к которым отсылает знак, но структуре отношений, определяющих знак как таковой...» (Автономова Н.С. Рассудок. Разум. Рациональность. М., 1988. С. 217).

⁴ «...Означающее немотивированно, то есть произвольно по отношению к данному означаемому, с которым у него нет в действительности никакой естественной связи». (Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. С. 71).

⁵ «Означающее, являясь по своей природе воспринимаемым на слух, развёртывается только во времени и характеризуется заимствованными у времени признаками: а) оно обладает протяжённостью и б) эта протяжённость имеет одно измерение – это линия» (Там же. С. 72).

⁶ Деррида Ж. Голос и феномен. С. 57.

⁷ О небыстречности обоснования принципов Соссюра говорилось не раз. См., например: Лоя Я.В. История лингвистических учений. М., 1968. С. 133–140.

Осмысление лингвистических идей Соссюра привело к формированию трёх крупных лингвистических школ – пражской, копенгагенской и американской.

Собственно, к пражской лингвистической школе принято относить не только чешских исследователей В. Матезиуса, Б. Гавранека, Б. Трнку, но и работавших в Праге русских учёных-эмигрантов Н.С. Трубецкого, С.О. Карцевского и Р.О. Якобсона (последний, работая впоследствии в США, оказал сильнейшее влияние на становление американской лингвистики)¹. Пражская школа рассматривала язык как фундаментальную систему, в которой каждое явление языка оценивается с точки зрения той функции, которую оно выполняет. Н.С. Трубецкой писал: «Определить фонему – значит указать её место в фонологической системе, что возможно лишь исходя из структуры этой системы»². Термин «структура» в его современном значении был выдвинут именно Пражской лингвистической школой. Пражская школа развивала идеи русской традиции формализма. Помимо учёных-эмигрантов, работавших на Западе, необходимо упомянуть о советских лингвистах, оказавших сильнейшее влияние на развитие структурализма, прежде всего, В.Я. Проппе, Е.М. Мелетинском и тартуско-московской структурно-семиотической школе. Идеи русской формальной школы оказались столь значимы для структурализма, что некоторые исследователи даже говорят о «славянском структурализме», оказавшемся хронологическим и во многом идейным предшественником французского структурализма³.

Копенгагенская лингвистическая школа (Л. Ельмслев, В. Брендель, Х. Ульдалль), разработавшая теорию «глоссематики» заимствовала идеи не только у Соссюра, но и у логического позитивизма (понимающего структуру как «чистые отношения чистых форм»), и у Гуссерля (говорившего об «априорной грамматике»). Копенгагенские глоссематики понимали структуру как совокупность отношений, в которой составляющие её элементы выступают точками пересечения отношений и всецело детерминируются ими. Л. Ельмслев понимал лингвистическую реальность как исключительно формальную, считая, что языковой элемент определяется посредством правил, от которых зависит его наличие или отсутствие в речи. Таким образом, язык есть система «чистых отношений», и только полное абстрагирование от «субстанции» может сделать языкознание точной наукой. Значение языковых единиц игнорируется, а признаётся лишь дифференциальная «значимость»⁴. С этой позиции Х. Ульдалль утверждал, что «научная концепция мира представляет собой скорее диаграмму, чем картину»⁵. И даже человек, по мнению датского лингвиста, должен рассматриваться не как «вещь», а как точка пересечения абстрактных функций.

Американскую школу структурной лингвистики, близкую по своим принципиальным установкам копенгагенской, интересовал конкретный анализ языков. В конце 1950-х гг. Н. Хомский разработал теорию «порождающих грамматик», воссоздающую

¹ См.: Пражский лингвистический кружок. М., 1967.

² Troubetzkoy N. La phonologie actuelle // Journal de psychologie normale et pathologique. P., 1933. P. 233. Цит. по: Сахарова Т.А. От философии существования к структурализму. С. 232.

³ См.: Грякалов А.А. Письмо и событие. СПб., 2004.

⁴ См.: Ельмслев Л. Можно ли считать, что значения слов образуют структуру? // Новое в лингвистике. Вып. II. М., 1962.

⁵ Ульдалль Х.И. Основы глоссематики // Новое в лингвистике. Вып. I. М., 1962. С. 400.

картину языкового синтеза¹. «Порождающие грамматики», по мысли Хомского, исходят из некоторого инвариантного ядра в языке, которое составляют элементарные утвердительные предложения. Из этого ядра на основании определённых правил трансформации «порождаются» конкретные варианты. Если Соссюр рассматривал язык как в целом статическую структуру, то Хомский заявил о его динамическом характере.

В этом ряду следовало бы назвать советскую лингвистическую традицию. Однако знакомство с ней на Западе началось только в середине 1960-х гг., когда стали появляться переводы работ М. Бахтина, В.Я. Проппа и др. Таким образом, говорить о непосредственном влиянии советской традиции языкознания на формирование структурализма нет оснований.

Опираясь на лингвистическую теорию Соссюра и его последователей, структуралисты выработали своеобразную глобальную методологию, претендующую на применимость во всех областях научного знания. Но прежде, чем говорить о конкретных структуралистских концепциях, стоит выяснить, в чём же, собственно, заключается специфика структурализма.

По справедливому замечанию В. Декомба, «структуралистской философии, которую можно было бы определить и противопоставить, например, феноменологической школе, не существует. В конечном итоге «структурализм» есть лишь название научного метода»². Поясняя сущность этого метода, Декомб пишет: «Невозможно говорить о структуре отдельного объекта – текста, института. Структурирована не сама вещь... но структура, репрезентацией которой может считаться данная вещь и которая сопоставима с другими структурами»³. Для нас структуралистский подход важен потому, что с него «начинается» современная семиология. Как говорит всё тот же Декомб, «в принципе, ничто не предопределяет структурный анализ быть особо внимательным к знакам. Тем более ничто не заставляет науку о знаках носить исключительно структуралистский характер. Однако между этим методом и данным исследовательским полем есть определённое родство: связывает друг с другом знаковые системы и анализ в терминах структуры понятие коммуникации»⁴. В 1963 г., т.е. в свой «средний» период, Р. Барт утверждал, что «при современном состоянии вещей лингвистика, наряду с экономикой, является прямым воплощением науки о структуре»⁵ – и в те времена многие считали так же.

Ж. Делёз в своей энциклопедической статье «По каким критериям узнают структурализм?»⁶ также говорит о принципиальной связи структурализма с теорией знаков: «Правильно считают лингвистику источником структурализма: не только

¹ Сходную теорию выдвинул примерно в то же время советский лингвист С.К. Шаумян. См.: Шаумян С.К. Структурная лингвистика. М., 1965.

² Декомб В. Современная французская философия. С. 77.

³ Там же. С. 86.

⁴ Там же. С. 90–91.

⁵ Барт Р. Структурализм как деятельность. Пер. А.Н. Безменовой / Избранные работы. Семиотика. Поэтика. Под ред. Г.К. Косикова. М., 1994. С. 253. При этом, впрочем, Барт признаёт, что структурализм – «не школа и даже не течение...», поскольку большинство авторов, обычно объединяемых этим термином, совершенно не чувствуют себя связанными между собой ни общностью доктрины, ни общностью борьбы» (Там же).

⁶ Deleuze G. A quoi reconnaît-on le structuralisme ? // La Philosophie en XX siècle. Sous la dir de François Châtelet. Paris, Marabout, 1979.

Соссюра, но также Московскую школу и Пражский кружок. И если структурализм распространяется затем на другие области, то... речь идёт не об аналогии: это происходит не для того, чтобы внедрить методы, «эквивалентные» имевшим ранее успех в анализе языка. В действительности существуют только языковые структуры, будь то эзотерический язык или даже невербальный. Структура бессознательного есть лишь в той мере, в какой бессознательное говорит и является языком. Структура тела – лишь в той мере, в какой тела полагаются говорящими, с языком, являющимся языком симптомов. Даже вещи имеют структуру, поскольку они содержат в себе тихий дискурс, который представляет собой язык знаков»¹. Делёз предлагает различать структурализм по следующим критериям: 1) «открытие и признание... царства символического»² (Если «реальное» и «воображаемое» были знакомы предшествующей философии, от романтизма до фрейдизма, то «символическое» открыл только Ж. Лакан); 2) локализация и пространственность знаков³; 3) соответствие единичностей дифференциальным отношениям⁴; 4) различие и различение в структуре⁵; 5) серийность как наличие двух серий⁶; 6) присутствие «пустой клетки» – смысла – между сериями; 7) существование «нового субъекта» как практическое следствие структурализма⁷. Надо сказать, что Делёз здесь говорит, скорее, о таком структурализме, каким он хотел бы его видеть. Ведь под указанные им критерии подпадает и его собственная философия, а между тем никто и никогда не считал Делёза структуралистом.

О неопределённости структурализма говорит и Ж. Деррида: он считает, что «структуралистское нашествие» свидетельствует прежде всего о «приключении взгляда, о переменах в самой манере ставить вопрос перед любым объектом»⁸. «Узнать, почему мы говорим «структура», значит узнать, почему мы не хотим больше говорить «эйдос», «сущность», «форма», Gestalt, «совокупность», «композиция», «сочетание», «конструкция», «соотношение», «целостность», «Идея», «организм»,

¹ Делёз Ж. По каким критериям узнают структурализм? Пер. Л.Ю. Соколовой / Марсель Пруст и знаки. СПб., 1999. С. 134.

² Там же. С. 135.

³ «Что является структурным – так это пространство, но пространство непротяженное, предсуществующее, чистый *spatium*, постепенно конституируемый в качестве порядка соседства, где понятие соседства имеет прежде всего порядковый смысл, а не значение протяжённости» (Там же. С. 139–140). Далее Делёз поясняет: «Структурализм неотделим от новой трансцендентальной философии, где места берут верх над тем, что их заполняет» (Там же. С. 140–141).

⁴ «Взаимная детерминация символических элементов продолжается... в полной детерминации единичных точек, которые конституируют пространство, соответствующее этим элементам» (Там же. С. 145).

⁵ «Структура в себе самой является системой дифференциальных отношений и элементов; но также она различает виды и части, существа и функции, в которых она актуализируется. Она является дифференциальной в самой себе и способствующей различению в результате» (Там же. С. 151–152).

⁶ «Структура определяется не только выбором базовых символических элементов и дифференциальных отношений, в которые они входят; тем более не только распределением единичных точек, которые им соответствуют; но еще созданием по меньшей мере второй серии, которая поддерживает сложные отношения с первой» (Там же. С. 157).

⁷ «... Существует структуралистский герой: ни Бог, ни человек, ни личный, ни универсальный, он – без без тождества, сделанный из неперсональных индивидуальностей и до-индивидуальных единичностей. Он обеспечивает расщепление структуры, затронутой избытком или недостатком...» (Там же. С. 172).

⁸ Деррида Ж. Сила и значение. Пер. С. Фокина / Письмо и различие. Пер. под ред. В. Лапицкого. СПб., СПб., 2000. С. 7.

«состояние», «система» и т.д.»¹. Литературная критика, считает Деррида, в любую эпоху по самой своей сути и предназначению является структуралистской, только прежде она этого не понимала, а теперь понимает и потому осмысляет свои понятие, систему и метод. Это «структуралистское беспокойство» о собственном методе и конструкции декларируют и Р. Барт, и Ю. Кристева, и многие другие.

Р. Барт «структуралистского периода» (1963), считал, что структурализм не является ни школой, ни течением, так что нет никаких оснований сводить его к чисто научному мышлению. Барт полагает, что «существуют такие писатели, художники, музыканты, в чьих глазах оперирование структурой (а не только мысль о ней) представляет собой особый тип человеческой практики»; таких аналитиков и творцов следует объединить под общим понятием «структуральный человек»: «человек этот определяется не своими идеями и не языками, которые он использует, а характером своего воображения или, лучше сказать, способности воображения, иными словами, тем способом, каким он мысленно переживает структуру»². Целью любой структуралистской деятельности, считает Барт, является воссоздание «объекта» таким образом, чтобы в этой реконструкции обнаружились правила его функционирования, т.е. «функции». Поэтому «структура – это... отображение предмета, но отображение направленное, заинтересованное, поскольку модель предмета выявляет нечто такое, что оставалось невидимым, или, если угодно, неинтелигибельным, в самом моделируемом предмете»; иными словами, речь идёт о порождении интелигибельности объекта. Таким образом, считает Барт, структуралистская деятельность включает в себя 1) членение (первичное раздробление модели, при котором ещё прежде своего распределения каждая единица входит в виртуальное множество аналогичных единиц, сгруппированных по принципу наименьшего различия) и 2) монтаж (закрепление за единицами правила взаимного соединения). Обобщая, Барт говорит, что «объектом структурализма является не человек-носитель бесконечного множества смыслов, а человек-производитель смыслов, так, словно человечество стремится не к исчерпанию смыслового содержания знаков, но единственно к осуществлению того акта, посредством которого производятся все эти исторически возможные, изменчивые смыслы. Homo significans, человек означающий, – таким должен быть новый человек, которого ищет структурализм»³. Так что структурализм оказывается деятельностью, которая отождествляет акт создания произведения с самим произведением⁴. В интервью журналу «Tel Quel»⁵ (1963) Барт пояснял, что речь идёт о попытке «создать науку, которая сама включалась бы в состав своего объекта»⁶.

Г.К. Косиков, напротив, рассматривает структурализм как конкретно-научный метод, в основании которого лежит принцип холизма. Автор выделяет два варианта структурализма – «жесткий» и «мягкий»⁷. Первый (К. Леви-Строс, Ф.-Ж. Греймас,

¹ Там же. С. 8.

² Барт Р. Структурализм как деятельность. Пер. Н.А. Безменовой / Избранные работы. Семиотика. Поэтика. С. 254.

³ Там же. С. 259.

⁴ «Писать – значит в известном смысле расчленять мир (или книгу) и затем составлять их заново». (Барт Р. Критика и истина. Пер. Г.К. Косикова / Избранные работы. Семиотика. Поэтика. С. 371.

⁵ Barthes R. Littérature et signification // Tel Quel, 1964. № 16. (Barthes R. Littérature et signification / Essais critiques. P., 1964. P. 258–276).

⁶ Барт Р. Литература и значение. Пер. С.Н. Зенкина / Избранные работы. Семиотика. Поэтика. С. 295.

⁷ Косиков Г.К. «Структура» и/или «текст» (стратегии современной семиотики). С. 5.

Ж.-К. Коке, М. Арриве, Ж.-Л. Удебин, Ф. Ратье и др.) ориентирован на лингвосемиотические модели Ф. Соссюра, Р. Якобсона и Л. Ельмслева и стремится имманентные абстрактные единства («языки» или «коды»), лежащие «по ту сторону» эмпирического бытия значащих объектов, подвергнуть формализации на основании структурно-семиотических методов¹. Второй подход (Ж. Женетт, Ц. Тодоров, Н. Рюве, Л. Мешонник, А. Миттеран, К. Шаброль, П. Гиро, Ж. Коэн и др.) представляет собой структурный вариант общей поэтики и текстовой семиотики. Г.К. Косиков выделяет два исходных принципа, лежащих в основе структуралистской методологии: 1) принцип «структурного объяснения» объектов гуманитарного знания и 2) представление о бессознательном характере структуры.

А вот П. Рикёр предлагает рассматривать структурализм как антитезу историцизму, – вернее даже, не столько историцизму вообще, сколько его «понимающим» практикам. Несомненно, что структурализм возникает из применения к антропологии и вообще гуманитарным наукам лингвистической модели Ф. де Соссюра. Это привело к перевороту в отношениях между системой и историей. Для историцизма понимать значит определять генезис и отыскивать предшествующую форму, смысл эволюции. «Для структурализма понимать значит упорядочивать, обнаруживать в данном состоянии систематическую организованность, которая изначально интеллигибельна»². Этот переворот, говорит Рикёр, начался с Соссюра, который в языке (*le langage*) стал различать речь (*la langue*) как совокупность соглашений, принятых социумом, и слово (*la parole*) как само говорение субъектов. Это разделение впоследствии стал использовать К. Леви-Строс. Такая категориальная система безотносительна к мыслящему субъекту, поэтому структурализм как философская система развивает «своего рода анти-рефлексивный, анти-идеалистический и анти-феноменологический интеллектуализм; этот бессознательный дух, быть может, подобен самой природе; может быть, он и есть сама природа»³. Понимать здесь – не значит овладевать смыслом; поэтому Рикёр считает «Структурную антропологию» не философией, а наукой.

На наш взгляд, основной спецификой структурализма явилось повышенное внимание к проблеме существования субъекта высказывания. В середине 1950-х гг. Э. Бенвенист заметил, что французские глаголы совершенно независимы от пространственно-временных координат говорящего, так что в повествовании нет «лица», хотя речь целиком включена в отношения между «я» (производителем высказывания), «ты» (адресатом) и гипотетическим «он». Только таким образом говорящий субъект введён в речь. Если прагматизм обращал внимание только на отправителя речи в его отношении к получателю или ситуации речи, то теория высказывания Бенвениста заинтересовалась существованием в языке субъекта, основывая свои поиски на различении высказывания-результата (*énoncé*) и высказывания как акта производства (*énonciation*). Такое направление поисков привело анализ дискурса (*discourse analysis*, термин американского лингвиста З. Харриса⁴) к мысли о том, что основным свойством языка является формирование субъекта высказывания. Сторонники этого

¹ «Парадокс сциентистского структурализма, – отмечает Г.К. Косиков, – заключался в том, что его рационалистическая утопия, стремившаяся отгородиться от любой философии, сама... превратилась в разновидность философского учения, состоящего в очевидном родстве с позитивизмом» (Там же. С. 6).

² Рикёр П. Конфликт интерпретаций: (Очерки о герменевтике). Пер. И.С. Вдовиной. М., 1995. С. 63.

³ Там же. С. 65.

⁴ Harris Z.S. *Discourse analysis* // *Language*. 1952. Vol. 28. P. 8–45.

направления в лингвистике утверждали, что, в то время как говорящий (*locuteur*) существует реально и при этом говорит, субъект высказывания (*énonciateur*) обретает существование только в акте говорения, представляя собой «реальность речи»¹. Во время акта говорения говорящий присваивает формы естественного языка и соотносит их со своим собственным «лицом», определяя себя как «я», а адресата речи – как «ты». Таким образом, структуралисты стали рассматривать язык не только как средство коммуникации, но и как орудие формирования лица. Теорию высказывания можно понимать как утверждение картезианского субъекта, «хозяина своей речи», т.е. того, кто стоит за речевым высказыванием. Однако Бенвенист и его последователи, мысля в духе лингвистического анализа, заявляют, что говорящий может быть дан только в речи, хозяином которой он не является. Человек же, стоящий «по ту сторону» речи – не более, чем миф.

У. Эко, размышляя о причинах частого отождествления семиологии и структурализма, говорит, что «во Франции... возобладало желание скрыть тот факт, что структурализм это метод, и очень плодотворный, выдав его – более или менее осознанно – за некую философию, видение мира, онтологию»². В то время как у Леви-Строса, считает Эко, во всех работах присутствует «соблазн онтологизма», Деррида, Фуко, а чуть позже и Делёз создали некую «антионтологию», причём исходной позицией для них послужила критика структуралистской онтологии. Структурализм гипотезировал в качестве философской истины то, что первоначально было оперативной гипотезой: мыслительные операции воспроизводят реальные отношения, а законы природы изоморфны законам мышления. Именно так, говорит Эко, мыслит Леви-Строс, когда выявляет в любом мифе элементарную структуру, априорно являющуюся структурой всякой умственной деятельности, а потому и структурой Духа. Так бинарный принцип, первоначально бывший рабочим инструментом логики кибернетического моделирования, становится философским принципом. Однако, если предположить, что Структура как Пра-Система действительно существует, она 1) не может быть системой или структурой и 2) её нельзя ни увидеть, ни определить. Иными словами, философским следствием признания существования Структуры должно быть отрицание структурного метода познания реальности³, а принятие идеи бинарной оппозиции в качестве метафизического принципа приводит к отмене самого понятия структуры. Таким образом, считает Эко, структурализм не мог не превратиться из метода в онтологию.

Изучение систем родства у «первобытных» народов позволило Леви-Стросу выявить аналогию культуры с фонологическими системами: он установил, что родство само по себе является системой общения. Структуры родства, аналогичные структурам языка, о которых говорит Леви-Строс, предполагают идею кода – формального соответствия между специфическими структурами, строго независимого от наблюдателя. Это привело Леви-Строса к мысли о том, что язык представляет собой объективное социальное явление. «...Роль Кл. Леви-Строса как «отца французского структурализма», – пишет Г.К. Косиков, – заключалась не только в том, что он первым применил аналитический аппарат языкознания (фонологическую модель) к нели-

¹ Бенвенист Э. Природа местоимений / Общая лингвистика. Под ред. Ю.С. Степанова. М., 1974. С. 293.

² Эко У. Отсутствующая структура: (Введение в семиологию). Пер. А.Г. Погоняйло и В.Г. Резник. СПб., 1998. С. 6.

³ Там же. С. 12.

гвистическому материалу..., но и, главное, в том, что он сформулировал фундаментальное теоретическое допущение, согласно которому «культура обладает строением, подобным строению языка»¹.

Следует отметить, что изначально подход Леви-Строса не был строго научным. Французский этнолог много говорит о причинах, побудивших его к занятиям этнологией. Весьма образно и вместе с тем чётко обозначил его исследовательскую интенцию М. Мерло-Понти: «Когда Леви-Строс оставил Европу и отправился в Южную Америку на поиски симпатичных ему обществ, он стремился к непосредственной красоте, невинности и природе, действуя как поэт или человек бунтующий. Из этой авантюры, как, впрочем, и из любой вещи, можно сделать философию»². Леви-Строс не пытался оставаться на позициях строгой науки во что бы то ни стало. Однако для того, чтобы сформулировать свой новый, возникший благодаря контактам с традиционными культурами, взгляд на человеческую культуру вообще, он с необходимостью должен был прибегнуть к гипотетическим конструкциям. Эти конструкции в руках «позднего» Леви-Строса и его последователей из гипотетических стали превращаться в аксиоматические.

Непосредственным предшественником Леви-Строса на пути к созданию структурной антропологии был американский лингвист и этнограф Ф. Боас, который при полевых исследованиях культуры американских индейцев заметил, что структура языка этих народов остаётся неосознанной для говорящих на нём. Эта структура, считал Боас, моделирует речевую деятельность вне сознания говорящих; при этом речевая деятельность заключается в концептуальные формы, которые затем воспринимаются как объективно существующие. Для объяснения этого феномена Боас предлагал создать различные модели, среди которых должны быть как «осознанные», так и «неосознанные». Ту же мысль поддерживает Леви-Строс, говоря о том, что любая группа феноменов наиболее пригодна для структурного анализа тогда, когда исследователь не располагает осознанной моделью её для описания и интерпретации. Таким образом, Леви-Строс утверждает примат модели над эмпирическим наблюдением. Однако здесь он сталкивается с необходимостью создания научного метода и надеется найти его в лингвистике³.

Лингвистика, говорит Леви-Строс, принадлежит к числу социальных наук, причём её успехи превосходят успехи всех прочих наук этой области. Только лингвистика, по его мнению, и может претендовать на звание науки, поскольку ей удалось выработать позитивный метод и установить природу изучаемых ею явлений⁴. Подлинным переворотом в лингвистике была фонология Н. Трубецкого, метод которого можно свести к четырём положениям: 1) фонология переходит от изучения сознательных лингвистических явлений к исследованию их бессознательного базиса; 2) фонология не рассматривает члены отношения как независимые сущности, но бе-

¹ Косиков Г.К. «Структура» и/или «текст». С. 4. См. также: Мерло-Понти М. От Мосса к Клоду Леви-Стросу. М., 1996. С. 95; Ашкерев А.Ю. Клод Леви-Строс и структуралистская революция в антропологии // Человек. 2004. № 4. С. 92-103; Абелес М. Об антропологии во Франции. Пер. Е.И. Филипповой // Этнографическое обозрение. 2005. № 2. С. 69-74.

² Мерло-Понти М. Беседа с Мадлен Шапсаль. Пер. В.М. Рыкунова // Логос. 1991. № 2. С. 32.

³ См. также: Медникова А.А. Критический анализ идей и методов К. Леви-Строса // Вопросы философии. 1971. № 11.

⁴ Леви-Строс К. Структурная антропология. Пер. под ред. В.В. Иванова. М., 2001. С. 37.

рёт за основу своего анализа именно отношения между ними; 3) фонология вводит понятие системы; 4) фонология стремится к открытию общих законов. Так социальной науке впервые удаётся выявить «отношения». Исследование систем родства, которым занимался Леви-Строс, сходно с фонологией: «как и фонемы, термины родства являются ценностными элементами; как и первые, они обретают эту ценность лишь потому, что они сочетаются в системы; «системы родства», как и «фонологические системы», были выработаны человеческим духом на уровне бессознательного мышления»¹. Таким образом, через изучение систем родства Леви-Строс рассчитывает прийти к неким «общим» законам, действенным для всех социальных наук. Здесь, собственно, и лежит начало леви-стросовского структурализма: «Термины родства, – говорит он, – существуют не только социологически: это также элементы речи»².

При этом Леви-Строс признаёт, что приёмы и методы фонологии нельзя механически перенести в этнологию. На уровне словаря, как учит лингвистика, нет обязательных отношений. Поэтому между системой наименований и системой установок, к которой сводятся в примитивных обществах структуры родства, существует глубокое различие³. Однако, в то же время, Леви-Строс поддерживает гипотезу о наличии функционального соотношения между двумя этими системами. Подчеркнём ещё раз: это всего лишь гипотеза, но впоследствии она приобретёт статус постулата.

Развивая идею переноса фонологического подхода на этнологию, Леви-Строс призывает «рассматривать брачные правила и системы родства как некий язык, т.е. как множество операций, обеспечивающих возможность общения между индивидами и группами индивидов»⁴. Сообщение, считает Леви-Строс, может «состоять» из женщин группы, которые циркулируют между кланами или семьями подобно тому, как в языке слова группы циркулируют между индивидами. Итак, Леви-Строс уже не сомневается в том, что между структурами родства и структурами языка существует формальное соответствие. Но он идёт ещё дальше, выдвигая гипотезу о том, что структуры родства и языка связаны с аналогичными бессознательными структурами⁵. Это, опять-таки, гипотеза, которую невозможно подтвердить наблюдениями, но очень скоро, несмотря на все оговорки, Леви-Строс убедит себя в её истинности, и она примет, выражаясь на спинозистский лад, форму «самоочевидной истины».

Рассматривая проблему соотношений между языком и культурой, Леви-Строс отмечает, что здесь можно выделить три аспекта: 1) язык есть продукт культуры; 2) язык есть часть культуры; 3) язык есть условие культуры. Последний аспект представляется основателю структурализма наиболее важным, поскольку «язык представляет... условие культуры в той мере, в какой эта последняя обладает строением, подобным строению языка»⁶. И язык, и культура, считает Леви-Строс, создаются посредством оппозиций и корреляций, т.е. логических отношений.

¹ Там же. С. 40.

² Там же. С. 43.

³ Ошибка А. Радклиф-Брауна, считает Леви-Строс, как раз и заключалась в предположении о том, что система установок есть перенос в эмоциональную плоскость системы наименований. См.: Radcliffe-Brown A.R. Kinship terminology in California // *American Anthropologist*. 1935. Vol. 37. № 3. P. 1.

⁴ Леви-Строс К. Структурная антропология. С. 66.

⁵ Там же. С. 68.

⁶ Там же. С. 74.

В такой позиции Леви-Строса содержится незаметное на первый взгляд ограничение одного из положений лингвистики Соссюра: произвольность языкового знака, полагает Леви-Строс, носит лишь временный характер¹. После того, как знак создаётся, его назначение уточняется 1) в зависимости от особенностей строения мозга и 2) в соответствии с его отношением к миру языка в целом, стремящемуся к системе. Так, если мы поменяем сигнальные цвета светофора красный и зелёный, содержание противопоставления «красный/зелёный» заметно сместится, поскольку эти цвета в наше время «сами по себе» обладают символической ценностью, будучи основаны на традиционной для западного общества символике, возникшей очень давно. И даже более того: Леви-Строс говорит о том, что всякая символизация основана на преобразовании чувственного опыта средствами семиотических систем. Французский автор ссылается здесь на Маркса, писавшего о том, что благородные металлы были выбраны в качестве эталонов ценности не только в силу их «естественных» свойств, но и в силу их «эстетических свойств»: золото и серебро представляются человеку неким «естественным светом», добытым из-под земли². Иными словами, Леви-Строс усматривает структуру не в культуре, а гораздо глубже – чуть ли не на уровне физиологии восприятия.

Занимаясь изучением мифологического описания мира у этносов, находящихся на «первобытной» стадии развития, Леви-Строс выявил следующие черты мифа: «1) если мифы имеют смысл, то он определен не отдельными элементами, входящими в их состав, а тем способом, которым эти элементы комбинируются; 2) миф есть явление языкового порядка, он является составной частью языка; тем не менее, язык в том виде, в каком он используется мифом, обнаруживает специфические свойства; 3) эти специфические свойства располагаются на *более высоком уровне*, чем обычный уровень языковых выражений, иначе говоря, эти свойства имеют более сложную природу, чем свойства языковых высказываний любого другого типа». Благодаря этому миф поддаётся адекватному переводу на другой язык. Вообще, «миф – это язык, но этот язык работает на самом высоком уровне, на котором смыслу удаётся... отделиться от языковой основы, на которой он сложился»³. Из этого Леви-Строс делает важный вывод: «Логика мифологического мышления так же неумолима, как логика позитивная и, в сущности, мало чем от неё отличается»⁴. Прогресс происходит не в мышлении, а в том мире, в котором живёт человечество, мыслящее всегда одинаково «хорошо». Это привело Леви-Строса к идее «структуры», общей для человечества и организованной по «сверхязыковому» принципу.

В своём анализе мифа Леви-Строс расположил мифологическую историю на двух осях – синтагматической (последовательность событий) и парадигматической (сведение событий в группы по «общему знаменателю»), выявив при этом общий механизм медиации между частями повествования. Однако, по выражению Г.К. Косикова, «эта структура, образуя семиологическую подоснову мифа, не ведёт к его постижению как смысловой ценности (а именно к этому стремился Леви-Строс – А.Д.),

¹ Там же. С. 102.

² Маркс К. К критике политической экономии / Собр. соч. М., 1959. Т. 13. С. 136.

³ Леви-Строс К. Структурная антропология. С. 218.

⁴ Там же. С. 240. См. также: Мелетинский Е.М. Клод Леви-Строс и структурная типология мифа // Вопросы философии. 1970. № 7.

а значит, не обладает порождающей способностью»¹. Это значит, что понятие структуры не объясняет повествовательного текста в его происхождении; текст не укладывается в структуру без остатка².

Социальный мир, по Леви-Стросу, есть мир символических отношений, а культура представляет собой «ансамбль символических форм»³ (язык, брак, искусство, наука, религия и др.) Леви-Строс отошёл от эмпирических схем англо-американской культурной антропологии. «Реляционный характер символического мышления, – отмечает Н.С. Автономова, – предполагает, что во всяком типе структур человеческого сознания существует несовпадение между порядками означающего и означаемого, причём означающего всегда «больше», и этот избыток распределяется между предметами реального мира в соответствии с законами символического мышления»⁴. Это «свободное означающее» даёт возможность для проявленности и познаваемости человеческого духа.

Леви-Строс получил философское образование, однако читателю его замечательно написанных книг бывает довольно трудно установить, на какие философские концепты опирался основатель структурной антропологии. А между тем философская значимость его трудов не представляет сомнения⁵. Леви-Строс постоянно ссылается на авторитеты, но это – авторитеты в этнографии или культурной антропологии. Считать философским базисом структурализма лингвистику Соссюра было бы преувеличением. Постулат последнего о произвольном характере связи между означающим и означаемым, безусловно, имел большую эвристическую ценность для лингвистической теории, но его философская обоснованность весьма сомнительна.

Н.С. Автономова выделяет в теоретической концепции Леви-Строса следующие опорные пункты, показывающие основные философские влияния: а) интеллектуальный рационализм (неокантианство Э. Кассирера); б) опора на язык и лингвистическую методологию (неопозитивистский проект); в) отрицание трансцендентальной субъективности и утверждение на её месте форм социальности и коммуникативности (французская социологическая школа); г) попытка «наведения моста» между природным и культурным и поиск «нулевой степени социальности» (Ж.-Ж. Руссо); д) взаимноисключающее противопоставление этнологии и истории при полном подчинении

¹ Косиков Г.К. «Структура» и/или «текст» (стратегии современной семиотики). С.19. Это затруднение стремился преодолеть А.-Ж. Греймас, предложивший модель многоуровневой структуры, в которой порождение эмпирического повествовательного текста выглядит как поэтапная конкретизация глубинных категорий в «верхние» слои. (См.: Греймас А.-Ж. Размышления об актантных моделях // Вестник МГУ. Сер. «Филология», 1996. № 1. С. 118-135.)

² «Перефразируя Соссюра и Бенвениста, – пишет Г.К. Косиков, – можно сказать, что в структуре нет ничего, чего бы не было в тексте, однако обратное неверно, ибо в тексте возникает существенное приращение смысла, возникают такие качества, которых не было в структуре. Таким образом, между структурой и текстом существует граница, аналогичная той, что разделяет язык и речь в лингвистике, – граница, которую собственно структурные методы не позволяют переступить». (Косиков Г.К. «Структура» и/или «текст». С. 22.)

³ Lévi-Strauss Cl. Introduction à l'œuvre de Marcel Mauss. P., 1950. P. XIX.

⁴ Автономова Н.С. Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках: (Критический очерк концепций французского структурализма). М., 1977. С. 113.

⁵ См. также: Мелетинский Е.М. Клод Леви-Строс: только этнология? // Вопросы литературы. 1971. № 4.

последней построениям структурального метода (современная Леви-Стросу духовная ситуация во Франции)¹.

Это последнее, кстати, породило мощную волну неприятия во французской гуманитарной науке. Особенно резко выступил против антиисторицизма Леви-Строса Ж.-П. Сартр, заявивший, что структурализм Леви-Строса во многом способствовал дискредитации истории. Сартр никак не может согласиться с тем, что субъект поглощён структурой и что человеческая культура всегда неизменна. Философия, считает Сартр, есть попытка осмыслить существование субъекта в структуре как порядке, а Леви-Строс как раз делает это осмысление невозможным². Леви-Строс ответил на это заявлением о том, что структурализм – не философская доктрина, а метод моделирования социальных фактов, за которыми исследователь пытается открыть неизменные символические структуры³. «Мы вовсе не занимаемся историей, но считаем, что за ней сохраняются её права», – сказал Леви-Строс в своей инаугурационной лекции в Коллеж де Франс⁴.

Возможно, Сартр не совсем прав в своей критике, ведь Леви-Строс не призывал вообще отказаться от истории. Однако знаменитый философ-экзистенциалист подчеркнул очень важный момент леви-стросовского структурализма: действительно, структура целиком и полностью поглотила субъекта. Вернее даже, на месте субъекта оказалась структура, которую можно (или нельзя, как покажут постструктуралисты) изучать. Таким образом, Леви-Строс оказывается предшественником Фуко сразу в двух аспектах – в концепции «смерти субъекта» и в построении дискретной модели истории. И неудивительно, что чуть позже Фуко подвергся тем же самым нападкам всё от того же Сартра.

В своей «исторической» книге о постмодернизме И.П. Ильин пишет: «В философско-методологическом плане теория постструктурализма развивалась как критика структурализма...»⁵ И в самом деле, философы-постструктуралисты склонны высказывать свои идеи, подвергая критике концептуальные подходы структурализма. Постструктуралисты выступают против самой категории «структура», против сосюрровской теории значения, против традиционного понимания коммуникативных механизмов и, наконец, против доставшегося структурализму в наследство от рационализма представления о целостности субъекта. Впрочем, справедливости ради стоит отметить, что критика целостного субъекта намечалась уже в структурализме, так что постструктурализм, скорее, продолжает ту же критическую традицию.

¹ Там же. С. 123. Последний пункт вызвал резкое расхождение Леви-Строса с Сартром, которое Н.С. Автономова комментирует следующим образом: «...Леви-Строс и Сартр пытаются «ассимилировать» друг друга: Сартр согласен включить структуры в единый поток тотализирующей деятельности субъекта при условии, что основное внимание обращается не на то, как структуры «делают» человека, а на то, «что делает человек из того, что с ним сделали», т.е. на событийность индивидуального практического действия человека; Леви-Строс Леви-Строс тоже согласен включить философию Сартра в свою схему: он считает её вполне подходящим объектом для этнологического исследования современного буржуазного общества, задавленного идеалами «европоцентризма» и «презентицентризма». (Там же. С. 133).

² J.P. Sartre répond // L'Arc. 1966. № 30. P. 95.

³ Lévi-Strauss. A contre-courant // Le nouvel observateur. 1967. № 115. P. 32.

⁴ Леви-Строс К. Предметная область антропологии: (Инаугурационная лекция, прочитанная 6 января 1960 г. г-ном Клодом Леви-Стросом при открытии кафедры социальной антропологии в Коллеж де Франс) / Путь масок. Пер. А.Б. Островского. М., 2000. С. 368.

⁵ Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: (Эволюция научного мифа). М., 1998. С. 17.

Постструктуралистское движение «зародилось в рамках литературоведческого структурализма одновременно как его антагонист и продолжатель»¹. Многие отечественные и зарубежные исследователи отмечают эту тесную связь постструктурализма и структурализма. Американский философ Ж. Харари отмечал, что постструктурализм нельзя понимать как развитие структуралистской мысли, антиструктурализм или вообще неструктурализм, поскольку все три тенденции в нём присутствуют. Отличие постструктурализма от своего предшественника, говорит Ж. Харари, заключается в «передвижении проблематики от субъекта к деконструкции концепции репрезентации»². Правильнее, пожалуй, было бы сказать, что постструктуралисты ушли не от проблематики субъекта вообще, но от представления об абсолютном, суверенном, центрированном субъекте – к представлению о субъекте историческом, имеющем свою генеалогию. В одной из своих лекций 1973 г. Фуко говорил: «Ни Делёз, ни Лиотар, ни Гваттари, ни я – никто из нас не анализирует структуру, мы ни в коей мере не являемся «структуралистами»... Мы не проводим изучение структуры... Мы изучаем династию»³.

Сегодня мы вспоминаем основателя весьма значимой для истории гуманитарных наук династии.

¹ Галинская И.Л. Постструктурализм в оценке современной философско-эстетической мысли // Зарубежное литературоведение 70-х годов: (Направления, тенденции, проблемы). М., 1984. С. 205.

² Harari J.V. Critical factions/ critical fictions // Textual strategies: (Perspectives in post-structuralist criticism). Ed. J.V. Harari. L., 1979. P. 29.

³ Фуко М. Истина и правовые установления (Курс в католическом епископальном университете Рио-де-Жанейро, прочитанный с 21 по 25 мая 1973 г.) / Интеллектуалы и власть: (Избранные политические статьи, выступления и интервью). Ч. 2. Пер. И. Окуневой. М., 2005. Ч. 2.. С. 58.